

К ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Автор: В. И. СТАРОВЕРОВ

СТАРОВЕРОВ Владимир Иванович - доктор философских наук, профессор ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Прежде, чем говорить о возрождении сельской социологии, хотелось бы сделать несколько оговорок концептуального характера.

Первая касается того обстоятельства, что история российской социологии имеет тот же алгоритм динамики, что и западная: зарождение, расцвет, упадок (вплоть до ухода накануне второй мировой войны в небытие), возрождение и последующее противоречивое развитие. Это обусловлено закономерностями общественно-исторического движения человечества эпох Нового и Новейшего времени, чередованием в нем стабильной динамики, кризисных и возрожденческих явлений, в том числе такими историческими феноменами, как мировые войны, экономические и цивилизационные депрессии, полосы идейно-мировоззренческих и политических реакций типа гитлеризма, маккартизма, тоталитаризма. В предвоенные и послевоенные годы социология, особенно эмпирическая, оказалась свернутой повсеместно как в СССР, так и в большей или меньшей степени на Западе. И тому были не только субъективные, но и объективные причины.

Вторая оговорка касается того, что сельская ветвь в истории становления, развития и возрождения российской социологии имеет для нее большую значимость, чем для западной. В российской социологии вплоть до недавнего времени преобладал акцент на приоритет коллективных, общественных интересов и прав. Западная деревня стояла на обочине социологических интересов осмысления магистралей утверждения нового общественного бытия, и сельская ветвь была своего рода дичком, привитым к древу социологии, возраставшему в городском социальном пространстве. Во втором случае само древо произрастало больше в сельском пространстве и именно от него отпочковывались иные ветви социологического познания. Запад расстался с общинной организацией за 4 - 6 веков до появления социологии, а в России зарождение и развитие классической социологии пришлось на эпоху такой зрелости в ней общинного бытия, которая позволяла многим обществоведам - А. Герцену, Н. Чернышевскому,

К. Марксу надеяться на возможность перехода из феодализма в социализм, минуя капиталистическую формацию.

Третья оговорка связана со спецификой характера возрождения сельской социологии на Западе и в России. Она вытекала из особенностей предыдущего развития ее в разных цивилизационных и общественных условиях, ибо в принципе как в России, так и на Западе, сельская проблематика была в центре внимания почти всех основоположников классической социологии. Западные классики К. Маркс и М. Вебер, Э. Дюркгейм и В. Зомбарт, Ф. Теннис и А. Радклифф-Браун, П. Сорокин и С. Циммерман, Ф. Знанецкий, У. Томас и другие имели труды, посвященные сельским проблемам или рассматривавшие в сельском социальном пространстве более общие процессы общественного развития. Их внимание к селу объяснялось острыми противоречиями, которыми сопровождался происходивший в данный период переход от традиционного крестьянского общества к индустриальному, раскрестьяниванием деревни, массовой миграцией в города, ростом безработицы и иными негативными явлениями.

В целом эмпирическое исследовательское поле классической прикладной социологии на Западе с самого начала концентрировалось на изучении рабочего класса, буржуазии и бюрократии. Деревня и аграрное дело интересовали социологов как источник капитализации общества. И поскольку парцеллярное крестьянство укоренилось на Западе до возникновения социологии, то последняя имела объектом изучения индивидуальные субъекты аграрного хозяйствования, которые органично вписывались в парадигму капиталистического развития. По завершении перехода западной деревни в мало актуальную периферию капиталистического развития интерес к сельской социологии на Западе угас. Ее тематика вошла в предметное поле других наук, в основном этнографии, антропологии и социальной психологии отсталых народов и племен.

Возрождение интереса к сельской социологии произошло здесь после Второй мировой войны. Оно было вызвано необходимостью объяснить феномен активизации участия крестьянства в национально-освободительных войнах, поскольку именно крестьянство стало в то время во всех колониях и доминионах основной силой антиколониальных движений. Исследования Э. Вольфа, Дж. Вомак, А. Ноува, Р. Редфильда, Т. Шанина, Х. Фридмана и других социологов, в основном крестьяноведов, проводились преимущественно в странах "третьего мира" или базировались на вторичном анализе данных об изменениях в деревне и в сельском хозяйстве социалистических стран.

Своим возрождением современная западная крестьяноведческая сельская социология во многом обязана английскому советологу, в дальнейшем - русологу, Т. Шанину. Именно он реанимировал в 60 - 70 годы XX столетия, - с целью активизации критики колхозно-совхозного строя, популярную некогда теорию устойчивости индивидуального крестьянского хозяйства А. В. Чаянова, с которой разошлась реализованная на практике концепция коллективизации советского крестьянства. Организовав выпуск многотомного собрания сочинений Чаянова, Шанин пробудил у западных социологов интерес к крестьяноведению.

И здесь коснемся третьей оговорки, связанной со спецификой развития российской, особенно сельской, социологии. Чтобы понять ее, придется, прежде чем говорить о послевоенном возрождении, кратко рассмотреть характер ее институализации. Если Запад к моменту создания теоретико-методологических основ прикладных социологических исследований был уже более чем наполовину урбанизирован, то Россия почти на $\frac{9}{10}$ оставалась сельской, и потому как теоретическая, так и прикладная социология развивались здесь в основном в сельском социальном пространстве. Этому способствовала солидная предшествовавшая база опросных обследований. Они известны, согласно русским летописям, еще со времен домосковской Руси. Масштабные протосоциологические анкетирования "российских городов и весей" организовывал канцлер петровской эпохи Ягужинский. Во второй половине XVIII в. в Комиссии Уложения Законов были собраны сотни "сказок", представлявших собою мини-моногра-

фические описания социально-экономического положения отдельных сельских волостей разных губерний Европейской части России. Регулярные переписи податного населения и крупномасштабные обследования состояния сельской глубинки, подобные тем, какие были проведены правительственной Валуевской Комиссией во второй половине XIX в. и в больших количествах проводились земствами, логично переросли в практику социологических исследований.

И потому теоретическая социология в России началась с общинно-народнических рефлексий А. Герцена, М. Петрашевского, Н. Чернышевского, а прикладная - с фундаментальной монографии В. Берви-Флеровского "Положение рабочего класса в России" (1869 г.), в которой, несмотря на ее урбанистическое название, автор исследовал условия труда и быта сельскохозяйственного населения, особенно батрацкого, и анализировал общественные типы организации аграрного труда, производственных отношений в сельском хозяйстве, прежде всего, в помещичьем, крестьянско-общинном и кулацком хозяйствах.

До Октябрьской революции 1917 г. эмпирические социологические исследования различных сторон сельской жизни проводили П. Матвеев, В. Посников, А. Пругавин, М. Харузин, Н. Янчук и др. Князь В. Тенишев организовал уникальное по степени системности и масштабам исследование российской сельской глубинки (равного ему и впоследствии никто в мире провести не смог), а сельский врач А. Шингарев - столь же уникальное, имевшее большой резонанс в обществе, монографическое "социально-гигиеническое" обследование воронежских сел Новожиловинное и Маховатка. Подобные шингаревскому обследования проводили десятки и сотни других врачей, агрономов, писателей, земских деятелей, активистов дворянских собраний. Н. Успенский собирал материалы для своих известных очерков "Власть земли", используя, помимо направленных интервью с крестьянами, паспорта социальных обследований поселений. А. Чехов и Л. Толстой не только приняли участие в качестве переписчиков в первой Всероссийской переписи населения, но и сами провели ряд анкетных опросов: один на Сахалине и в калужских, другой в тульских деревнях. Накануне первой мировой войны каждый уезд европейской части России и большинство зауральских уездов имели основанные на этих обследованиях социальные (краеведческие) паспорта, благодаря чему Россия становилась "прозрачным" обществом.

После Октябрьской революции, благодаря энтузиазму А. Большакова, А. Чайнова, П. Литошенко и других известных аграрников старой формации, социологические исследования в стране возобновились с еще большим размахом. Массовой стала практика монографических обследований сел, волостей, уездов. Первое такое обследование было проведено А. Тодорским уже в 1918 г. в Пошехонье. А. Большаковым в рамках краеведения были организованы социологические обследования более 600 сельских уездов. Повторил шингаревское обследование воронежских сел К. Шуваев с коллегами. Широкомасштабные статистико-социологические обследования проводились в сельской местности В. Немчиновым, С. Струмилиным, А. Хрящевой, социолого-политологические осуществлялись партийно-государственными комиссиями под руководством Белобородова, Крицмана, Чуцкаева, Яковлева и других известных государственных деятелей 1920 - 1930-х годов.

Естественно, что прервавшееся по объективным и субъективным причинам (эта сложная тема требует особого рассмотрения) в предвоенные годы социологическое изучение проблем развития советского села начало возрождаться лишь в первое десятилетие после войны: сначала в виде контаминации в экономические и исторические исследования А. Бутенко, В. Венжера, В. Данилова, П. Игнатовского, С. Семина и других экономистов и историков, а затем и в виде самостоятельных.

Первым в этом ряду (и долгие годы одним из наиболее значительных по своему влиянию на возрождение не только сельской, но и всей советской социологии) было инициированное Г. В. Осиповым исследование "Копанка 25 лет спустя" - частичная панель проведенного румынским социологом Д. Густы во второй половине 1930-х гг. монографического обследования крупного молдавского села. О нем я хотел бы рассказать с

позиций сначала стороннего наблюдателя, затем второстепенного участника его, а впоследствии - руководителя повторных исследований Копанки в 1970 - 1980-х годах.

Исследование Копанки в 1960-е гг. проводилось большим коллективом российских и молдавских обществоведов и местных активистов. Лидерами коллектива с российской стороны были Г. Осипов и В. Шубкин, с молдавской - в Кишиневе Д. Урсул, непосредственно в Копанке В. Ермуратский и Г. Ентелис. Активное участие в организации и проведении исследования принял председатель местного колхоза им. Ленина И. Болфа. Оно пользовалось живой поддержкой членов правительства республики, большинство которых сами в той или иной степени вели научную работу, были докторами и кандидатами наук. "Добро" на исследование дал партийный лидер Молдавии И. Бодюл, в то время кандидат, впоследствии доктор исторических наук, инициатор и организатор агропромышленной интеграции. Возможно, по этой причине активное участие в анкетировании и сборе информации принимала колхозная интеллигенция. Последнее обстоятельство способствовало моему подключению к этому мероприятию, чему благоприятствовало то, что в 1962-м г., на Всемирном фестивале молодежи в Хельсинки я, будучи корреспондентом журнала "Молодой коммунист", познакомился на одной из дискуссий с вожаким молдавских комсомольцев, будущим молдавским президентом П. Лучинским, который пригласил меня приехать в республику и написать о сельской молодежи Молдавии. Там Лучинский познакомил меня с другим комсомольским вожаким Г. Квасовым, будущим куратором социологии в ЦК КПСС, который рассказал об исследовании в Копанке.

С разрешения руководства журнала, я задержался в Копанке на пару месяцев: разрешение было дано тем легче, что в ЦК ВЛКСМ решался вопрос о переводе меня и двух моих коллег в журнал "Молодой колхозник" в целях преобразования его в журнал "Сельская молодежь". Под руководством Г. Осипова в Институте философии обрабатывались материалы исследований, шла работа над коллективной монографией.

Подключиться к последней работе я по моей тогдашней научной незрелости не осмеливался. А когда издательство "Наука" и иные инстанции отвергли вариант "скучной" научной монографии, потребовав переработать рукопись в научно-популярную книгу, в работе над которой мой журналистский опыт был бы кстати, обострились приобретенные в фашистском лагере, малолетним узником которого я был более двух лет, болезни.

После окончания МГУ был принят в аспирантуру Института философии по социологической специализации в руководимый Г. В. Осиповым сектор новых форм труда и быта.

За три года сектор вырос в отдел, затем в отделение прикладной социологии и, наконец, в ИКСИ (Институт конкретных социальных исследований) АН СССР, где я подготовил кандидатскую диссертацию о социальных проблемах сельской миграции и стал работать в отделе оперативных социальных исследований. В конце 1969 г. меня пригласил на беседу зам. директора ИКСИ Г. В. Осипов: "Вчера возвратился из Молдавии Алексей Матвеевич (директор ИКСИ академик Румянцев). В беседе с Бодюлом они пришли к согласию повторить исследование в Копанке. Разыщи старый инструментарий его, перевод монографии Густы и рукопись нашей монографии, обнови исследовательскую программу, сохранив основу для панели, возьми из вашего отдела кого хочешь из сотрудников и через пару недель выезжай в Кишинев".

Перевод книги коллектива Густы и рукопись разыскать не удалось, инструментарий частично был опубликован в приложении книги "Копанка 25 лет спустя", кое-что сохранилось у меня и у Г. Квасова. В целях обеспечения комплексности программы пришлось невольно много импровизировать. Кроме того, по приезду в Молдавию выяснилось, что Копанка за месяц до этого из-за неординарного разлива Днестра подверглась разрушительному наводнению и жизнь ее серьезно деформирована. К тому же исследовательских сил и средств было мало (я, м.н.с. нашего отдела В. Щенев, да несколько молдавских коллег). В итоге исследование 1970 г. оказалось далеким от желаемого и осталось в форме исследовательского отчета. Тем не менее, оно было оце-

нено положительно и вскоре мне разрешили сформировать сектор социологии деревни. При этом Г. В. Осипов и Г. Г. Квасов полагали, что необходимо исследовать Копанку еще раз, уже на более солидной основе. Но сектору были поручены серьезные задания по разработке прогноза развития деревни до 1990 и 2000 года, комплексному исследованию социальных проблем преобразования российского сельского Нечерноземья и другие объемные, сложные задания. На сверхплановую работу не было ни сил, ни средств.

Только к концу 1970-х годов удалось вернуться к идее исследования Копанки. К этому времени аспиранты-молдоване Н. Цуркану и В. Чобану перевели, как могли, избранные места из монографии Д. Густы, я переработал программу исследования с учетом изменений в Копанке, создал объединенный с молдавскими социологами исследовательский коллектив, уточнил инструментарий сбора информации с учетом изменений в советской статистике сельского хозяйственного учета. Летом 1980 г. четвертое, а если говорить о полноценном, то третье исследование Копанки было проведено.

С российской стороны в нем, помимо руководителя, участвовали к.с.н. Х. Арст, к.т.н. А. Гелюта, В. В. Староверов, к.с.н. А. Колесников, к.и.н. Ю. Роцин, н.с. А. Прохоров и И. Староверова, м.н.с. И. Яковлева, Н. Цуркану, В. Чобану; с молдавской - к.ф.н. Т. Килимар, И. Кобзак, к.э.н. А. Тимуш и три его аспиранта. И вновь поддержку оказали И. Бодюл, руководство колхоза, председатель сельсовета А. Чеботарь, секретарь парторганизации Г. Чеботарь, а также интеллигенция села.

Итоги исследования я докладывал на сессии столетнего юбилея Д. Густы, проведенной в Румынии по решению ЮНЕСКО (в 1985 г.), материалы были обобщены в монографии, рекомендованной Ученым Советом ИСИ АН СССР к публикации в издательстве "Наука". Монография была подготовлена к печати, но затем "зависла": началась перестройка и кому-то в верхах показалась не ко времени научная работа об успехах советской колхозной деревни и, поскольку Копанка многонациональное село, советской национальной политики.

Во время перестройки события развивались стремительно, изменения в сельской жизни и национальной политике происходили существенные. Рассчитывая довести публикацию исследований Копанки до благополучного финала, в 1988 г. силами части сотрудников сектора социологии деревни ИСПИ (Л. Лобанова, А. Прохоров, Г. Слесарев, Ю. Роцин), а также В. В. Староверова, И. В. Староверовой я предпринял пятое, по сокращенной программе, исследование, однако с публикацией его результатов вновь ничего не получилось.

В последующем я еще раз посещал в 1995 г. Копанку, чтобы освежить некоторые данные с целью сравнения с прошлыми. А недавно мне удалось разыскать почти полный вариант рукописи научной монографии о Копанке образца 1964 - 1965 гг. В связи с этим у Г. В. Осипова возникла идея подготовить отдельным изданием имеющийся у меня уникальный материал монографической динамики этого села, прошедшего в прошлом столетии через три общественные эпохи: почти полуфеодалную, советскую и либерально-буржуазного реформирования (в XXI веке после повторного избрания президентом Молдавии Воронина Копанка переживает четвертую эпоху - социалистической реконструкции). Полагаю, что к концу текущего года такое издание будет нами подготовлено к публикации.

Я уделил так много внимания исследованию Копанки не только потому, что с нее началось стремительное возрождение в 1960 - 1970 гг. советской сельской социологии, но и потому что оно обозначило характер той интеграции западного социологического опыта с опытом традиционного социологического познания, которая знаменовала магистральный путь развития российской сельской социологии дореформенного времени. На этом пути, как правило, не было крайностей, которые свойственны ее современному этапу, когда российская социология как сельская, так и во всех ее ветвях все быстрее трансформируется в безнациональный "довесок" западного обществоведения, существенно обедняя и обесцвечивая систему мирового обществоведения, стано-

вьясь, воистину, "заимствованной наукой". На мой взгляд, в отличие от физики, математики и иных естественных и технических наук, ни одна общественная наука в условиях этнокультурного, цивилизационного структурирования человечества не может быть безнациональной.

В период возрождения советской сельской социологии вслед за "Копанкой 25 лет спустя" появились столь же оригинальные, сочетавшие теоретико-методологические традиции и мировые инновации исследования: "Колхоз - школа коммунизма", "Колхозная молодежь 30-х и 60-х годов", другие. Затем последовали серии оригинальных исследований социальной структуры сельского населения Ю. Арутюняна, сельской миграции и деревни как социальной системы Т. Заславской и автора этих заметок, крестьянства П. Симуша, сельской молодежи И. Левыкина и И. Слепенкова, сельского хозяйства В. Ладенкова, А. Тимуша и т.д. К концу 1970-х гг. не оставалось ни одной области сельского бытия, которая не попала бы в зеркало социологических исследований. Фактически во всех советских республиках, а в России и во всех ее регионах, кроме Магаданской области и северных автономий, имелись лаборатории, сектора, социологические группы профиля. Начали формироваться институциональные и межрегиональные школы. Ежегодно проводились десятки крупномасштабных эмпирических исследований. Эта практика получила развитие в 1980-е гг., но была прервана в период перехода горбачевской перестройки в фазу радикальной либерально-демократической трансформации социалистической России в капиталистическую.

С конца 1980-х, когда бюджетное финансирование сельской социологии, как и всей российской науки, свелось до минимума, не позволяющего проводить полевые работы, без которых прикладная социология невозможна, а теоретическая лишается необходимых ей жизненных соков в виде обоснованности и проверки эмпирической информацией, наблюдается последовательное свертывание ее активности и явное снижение теоретико-методологического уровня. В настоящее время в год проводится не более десятка обеспеченных программами полевых обследований сельских объектов, причем, большей частью по программам и на средства зарубежных социологических центров, реже по заказам правящих в стране властей. Афишируемое научное целеполагание первых не выдерживает проверку анализом их документации (инструментария, методов, процедур), зато рельефно просматривается ангажированность идеолого-политическими и прагматическими задачами, продиктованными зарубежными заказчиками. Среди этих задач преобладают установки на обоснование ускорения радикально-либеральной трансформации российской деревни и российского сельского хозяйства, включения их в процессы создания сельской периферии западных ТНК в рамках нового мирового порядка. Ангажированность вторых также очевидна: программные задачи их предполагают не объективную оценку реальности и не выработку путей разрешения свойственных ей общественных противоречий, а поиск механизмов наиболее эффективной адаптации тех или иных социальных групп обездоленного российского сельского населения к созданному радикально-либеральным переделом порядку жизни.

Что касается теоретического уровня сельской социологии, то здесь, как и во всем современном российском общественном сознании, наблюдается кризис ее теоретико-методологических основ, увеличение образовавшегося после отказа основной массы социологов от марксизма разрыва между теоретико-методологической рефлексией и прикладными исследованиями. Пресловутый "голый эмпиризм" из объекта былой критики превратился в доминанту всей современной российской социологии, сельской в том числе. В сущности, прекратилась теоретико-методологическая специализация сельских молодых социологов. Готовится социологических кадров ныне все больше и больше, но качество их подготовки все ниже и ниже, и те, кто получают подготовку, предпочитают доходную пиаровскую и маркетинговую специализацию. В эту же сферу уходят опытные социологи, в том числе сельские. Если так будет продолжаться, то, похоже, российской сельской социологии потребуется второе издание ее возрождения.

Тем не менее, пока сельская социология в России еще живет. В разных научных центрах предпринимаются попытки реализации комплексных социологических исследований актуальных для российского общества сельских проблем. Так, Институт аграрной социологии совместно с ИСПИ РАН под руководством автора проводит с 1991 г. в мониторинговом режиме исследования междисциплинарного характера "Земельные реформы и земельные отношения в России"; "Либеральная модернизация сельского хозяйства России", а также "Российское единоличное крестьянство и фермерство". Продолжается и начатый автором в 1970-е гг. поисковый проект "Традиционные крестьянские общества", получив с 1990 г. название "Традиционные крестьянские общества в условиях глобализации".

Крупномасштабные панельные обследования сельского хозяйства и российской деревни осуществляет под руководством члена-корреспондента РАЕН Л. В. Бондаренко и при участии социологов из 18 регионов страны Центр всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села ВНИИИЭСХ РАСХН совместно с МСХ РФ. Плодотворные крестьяноведческие, в том числе социологические, исследования проводит коллектив саратовского Института аграрных проблем РАН; социально-политические аспекты аграрных реформ исследует в Нижегородской агроакадемии Г. С. Широкалова; человеческого фактора - социологи Института человека при Удмуртском госуниверситете А. А. и Р. А. Разины; поведенческих рефлексий сельского населения в условиях либеральной трансформации российского села - А. Захаров в Белгороде и И. Ильин в Чебоксарах, аграрной политики России - В. Лазарев в Самаре; сельского образа жизни - А. Хагуров в Краснодаре и др. И хотя в целом российская сельская социология переживает ныне далеко не лучшие времена, продолжается дальнейшая институализация ее ведущих отраслей и специальных отраслевых теорий, таких как социология деревни, крестьянства, сельского хозяйства и т.д.